

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.08

Правильная ссылка на статью:

Маркина В. М. Репрезентация других в медиа: (вос)создание стереотипов и контрстратегии изображения инаковости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 147—158.

For citation:

Markina V. M. The representation of the 'others' in media: (re)production of stereotypes and counter-strategies of othering // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 3. P. 147—158.

В. М. Маркина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДРУГИХ В МЕДИА: (ВОС)СОЗДАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ И КОНТРСТРАТЕГИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИНАКОВОСТИ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДРУГИХ В МЕДИА:
(ВОС)СОЗДАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ
И КОНТРСТРАТЕГИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ИНАКОВОСТИ

THE REPRESENTATION OF THE 'OTHERS'
IN MEDIA: (RE)PRODUCTION OF STERE-
OTYPES AND COUNTER-STRATEGIES OF
OTHERING

МАРКИНА Валерия Михайловна — аспирант Департамента социологии, стажер-исследователь Международной лаборатории анализа образовательной политики Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-MAIL: leramarkina@yandex.ru ORCID: 0000-0002-5937-1303

Valeriya M. MARKINA¹ — PhD student E-MAIL: leramarkina@yandex.ru ORCID: 0000-0002-5937-1303

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья содержит обзор актуальных теоретических моделей стереотипизации и репрезентации инаковости. На основе анализа литературы и примеров из медиа автор, вслед за С. Джилманом, сравнивает патологические и непатологические формы восприятия и репрезентации Других: первым свойственно гегемонистское отношение к инаковости, вторым — признание ее собственной ценности.

Abstract. The paper reviews the modern theoretical models of stereotipization and representation of the Otherness. The author follows the ideas of S. Gilman and uses literature and media examples to make a comparison between pathological and non-pathological perceptions and representations: the former tend to have hegemonic attitude towards Otherness; the latter highlight its value. The author describes such pathological

Описаны и приведены примеры таких патологических форм, как деперсонафикация, фрагментация, фетишизация, экзотизация, патологизация и гомогенизация. Также выявлены три контр-стратегии (непатологические формы) репрезентации Других в медиа, позволяющие оспаривать, преодолевать и трансформировать доминирующий режим репрезентации: создание новых положительных стереотипов о Других, перенос позитивных образов на те проявления инаковости, которые воспринимаются в медиа как сугубо отрицательные, нежелательные, и наконец, поиск и столкновение амбивалентных стереотипов, приписываемых Другим, путем критического анализа дискурса и предоставления права голоса самим инаковым.

Ключевые слова: медиа, социокультурная репрезентация, инаковость, формы стереотипизации, контр-стратегии репрезентации Других

Благодарности. В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14-18-03784.

Выражаю искреннюю благодарность Елене Ярской-Смирновой и анонимному рецензенту, чьи ценные замечания и рекомендации существенно помогли улучшить мою работу.

Введение

В странах мира — и Россия тут не исключение — сегодня случаются ситуации, связанные с дискриминацией отдельных людей и целых групп, которые по тем

forms as depersonification, fragmentation, fetishization, exoticization, pathologization, and homogenization.

The following three counter-strategies of representation of the 'Others' in the media are singled out: 1) creation of new positive stereotypes of Others, 2) transfer of positive images of Otherness on those manifestations of Otherness that perceived negatively in the media, and finally, 3) clash of ambivalent stereotypes of 'Others' through critical discourse analysis and allowing them speaking out.

Keywords: media, socio-cultural representation, otherness, stereotyping forms, counter-strategies of Othering

Acknowledgements. The author used the results of the research conducted by the Russian Science Foundation in the framework of the project titled "Multiple types of social and cultural cohesion amidst Russian reforms: conceptualizations and qualimetry", № 14-18-03784. Author expresses sincere gratitude to Elena R. Iarskaia-Smirnova and anonymous reviewer whose valuable comments and recommendations significantly helped to improve the article.

или иным признакам отличаются от общепринятого представления о норме или воспринимаются как Другие, иные. Неоднородное поле культурного производства, к которому можно отнести прессу, интернет, кино, литературу и даже учебники, наполнено различными отчуждающими репрезентациями групп инаковых. Обсуждения отдельных высказываний или изображений могут приобретать массовый гражданский характер, иногда даже со скандальным оттенком. Актуальным примером служит дискуссия, возникшая недавно по поводу изображения в школьном учебнике по обществознанию людей, «страдающих серьезными психическими заболеваниями», как существ, лишенных «духовного мира личности» [*«Дрофа» приостановила...; Больной человек...*]. Широкая общественность подобное высказывание сочла оскорбительным и неприемлемым, отсылающим к устаревшим и «опасным» представлениям об «инвалидах» как о неполноценных людях и гражданах. Однако убеждение, что гражданином может быть только человек, лишенный каких-либо телесных и психических «изъянов», свободно транслировалось, например, в постсоветском кинодискурсе. П. Романов и Е. Ярская-Смирнова убедительно показали, как инвалидность в образах кино противопоставляется нормативному порядку, выступая «метафорой культурной и гражданской дефективности» [*Ярская-Смирнова, Романов, 2011*]. Как видим, учебники транслируют детям социально одобряемые ценности и нормы, но, одновременно с этим, могут воспроизводить отчуждающие стереотипы, закрепляя несправедливое социальное устройство. Но откуда именно берутся подобные стереотипы и изображения в кино, газетах или книгах?

В данной работе в фокусе теоретического изучения оказываются процессы репрезентации и стереотипизации, их природа и специфика. Вначале будут определены основные понятия нашего исследования, далее рассмотрены стратегии конструирования стереотипов о Других в масс-медиа. В завершение мы проанализируем контрприемы репрезентации Других на предмет их возможностей для пересмотра и преодоления существующих отчуждающих стереотипов.

Проблема изучения социальных репрезентаций инаковости

Стереотипы, или заведомо упрощенные представления о социально значимых вещах, индивидах, группах, социальных отношениях, формируются в процессе познания Субъектом своего повседневного мира и имеют полезную адаптивную функцию: «стереотипная картина мира может быть не полной, но это картина возможного мира, к которому мы приспособились» [*Липпман, 2004: 108*].

Еще И. Кант систематизировал основные положения теории познания [*Кант, 1994*], одно из которых можно свести примерно к следующей формуле: нельзя помыслить какую-либо вещь саму по себе, можно помыслить лишь идею этой вещи. Иными словами, в мышлении люди оперируют не реальными объектами, а только их концептами, значениями и репрезентациями. Как точно отмечает С. Холл, представления — это, по сути, связи между идеями и языком в нашей голове, отсылающие к реальным объектам, людям, событиям [*Hall, 2013: 1*].

Социальные представления как важный элемент общественной жизни одним из первых начал изучать С. Московичи. Вслед за Э. Дюркгеймом, который ввел *коллективные представления* в ряд центральных понятий социологии, Московичи

постулировал необходимость для индивида системы представлений, ценностей, идей для ориентирования в социокультурном пространстве и поддержания интрасубъективной коммуникации [Moscovici, 1961]. Он применял этот концепт для анализа практик присвоения научного знания знаниям повседневным, опираясь на результаты интервью и контент-анализа прессы. Труды Московичи впоследствии послужили вкладом в развитие отдельной теории *социальных репрезентаций*, объясняющей процессы социального познания, культуры и коммуникации, связанные между собой и с механизмами мышления, идентификацией, идеологией и социокультурными изменениями.

Согласно С. Холлу, социокультурные представления обладают следующими атрибутами: во-первых, несут в себе понятные значения и смыслы, во-вторых, эти значения и смыслы разделяются представителями одной культуры, в-третьих, они передаются друг другу с помощью единого языка и, наконец, они взаимосвязаны и упорядочены в систему [Hall, 2013].

Возникновение системы социальных представлений — неотъемлемая часть культурного производства и обмена смыслами между ее членами. Процесс ее создания становится возможным только благодаря использованию понятных символов, образов, языковых средств, позволяющих доносить смыслы до других людей. Но используется ли язык лишь для отражения уже объективно существующих значений или же последние создаются посредством языка? В зависимости от понимания природы репрезентаций и роли языка в этом процессе, С. Холл выделял три базовых подхода: отражательный, интенциональный и конструкционистский [Hall, 2013: 10]. Первый подход опирается на идею о том, что значения несут объективный характер, а язык рассматривается в качестве инструмента их отражения. Второй — утверждает примат субъекта в процессе смыслотворчества. Третий же, конструкционистский подход, которого придерживался сам Холл, подчеркивает, прежде всего, роль языка в процессе производства значений, обнажая тесную связь дискурсов с властью. Власть здесь понимается, вслед за марксистами А. Грамши и Л. Альтюссером, не просто как физическое или экономическое доминирование, а как гегемония культурных представлений, незаметная сила идеологии, которая скрывается за якобы естественным «спонтанным согласием масс» [Альтюссер, 2012: 90; Грамши, 1959]. Эта власть проявляется на символическом уровне через создание культурных смыслов, знаний о группах или явлениях [Фуко, 1996].

В каждой конкретной культуре можно выделить некоторые устоявшиеся практики, схожие способы репрезентации инаковости, повторяющиеся из текста в текст. Они напрямую связаны со сложившимися в культуре отношениями, ведь инаковость репрезентируется не сама по себе, а с позиции некоторых внешних сил. С. Холл подчеркивал, что отдельно взятые образы на фотографиях или высказывания в журналах не несут однозначного смысла, их можно прочитать только исходя из контекста, в котором они даны, т. е. внутри общей картины смысловых связей, относительно других представлений, в их сравнении или противопоставлении. Это убедительно показал еще Р. Барт в эссе «О фотографии» [Барт, 1997]. Ю. Кристева ввела понятие интертекстуальности, полагая, что каждый текст непременно является частью совокупности других текстов, отсылающих друг к другу и диалогически

взаимосвязанных [Кристева, 1993]. Комплекс значений, скрытых в различных текстовых репрезентациях, образует поле взаимосвязанных смыслов, а многообразии изображений Другого в конкретный исторический момент воплощается в режиме репрезентации инаковости [Hall, 2013: 222]. Действующий в медиа режим репрезентации инаковости базируется на доминирующих в культуре стереотипах о Других и Своих, внося значительный вклад в их воспроизводство.

Стереотипы о Других: природа и стратегии их конструирования

Стереотипы о Других формируются на стыке процессов репрезентации и дифференциации, в точке столкновения феноменов инаковости, власти и неравенства. Так как реальных границ, отделяющих инаковых от остальных, не существует, человеку или группе требуются воображаемые разграничители, которые бы создавали и поддерживали ощущение объективной и непреодолимой разницы между Мной и Другими [Gilman, 1985: 17]. Путем создания стереотипов происходит установление четких и фиксированных границ, указывающих на предельно замкнутое пространство значений, отобранных из широкого многообразия характеристик, присущих группе или персоне. Стереотипизация отличается от механизма типизации — отнесения объектов к идеальному типу, роли, статусу путем выделения индивидуальных и типических характеристик [Шюц, 1988] — своей неизбежной редукцией к ограниченному набору смыслов, которые преподносятся как исчерпывающие.

В создании стереотипов участвует каждый индивид, так как подразумевается, что без этого мир в принципе не смог бы функционировать, а люди — взаимодействовать [Levin, 1975]. Система стереотипов помогает человеку противостоять непредсказуемости, неупорядоченности и, наконец, таящейся в этом опасности внешней реальности, предоставляя инструменты контроля над ней. Навыки стереотипизации закладываются уже на ранних стадиях формирования личности, когда ребенок начинает различать состояния, объекты, людей и их характеристики. Младенец уже с первых дней жизни может относить внешние раздражители к категориям «плохого» или «хорошего», например, отделяя состояния сухости и теплоты от дискомфорта. В дальнейшем, ребенок научается оценивать и себя самого как «хорошего» или «плохого», выделяя ту сторону самости, которая поддается контролю — свободную от тревог и страстей, — и ту, которая не может быть полностью подчинена, подвержена волнениям вследствие нестабильности бытия и вызывает чувство беспокойства. Как считает С. Джилман, именно эти особенности процесса становления самости у человека в дальнейшем становятся основой стереотипного восприятия и упорядочивания многообразия мира [Gilman, 1985: 18]. Личность испытывает внутреннее противоречие между двумя полюсами «Я-хороший» и «Я-плохой», которые уже не могут быть сведены к единому целому. Возникает стремление дистанцироваться от того, что воспринимается как неконтролируемое, неприемлемое, определяется как «плохое» в рамках личности. В процессе проецирования то, от чего человек пытается отделиться, освободить себя, будет перенесено на внешние объекты, т. е. «плохое» словно запирается в образе Другого [Kohut, 1971]. Так в психоаналитической теории объясняется возникновение механизмов отчуждения: результат внутреннего противостоя-

ния и внешних проекций, создающий уверенность в существовании «Нас» и «Их», «Своего» и «Чужого». Другой — это антитеза, противоположность «Себя-хорошего», именно поэтому любому негативному стереотипу, который приписывается Другим, соответствует прямо противоположный положительный стереотип, приписываемый Своим.

Итак, процесс формирования стереотипов естественен, неизбежен и даже необходим, однако С. Джилман заостряет внимание на существенной разнице между его патологической и непатологической формами. Главное различие кроется в целях этих практик. В первом случае, разделение производится ради того, чтобы констатировать объективную непохожесть, инаковость и просто отграничить себя от Других. Во втором случае, стереотипы возникают в качестве первой защитной реакции на возникающую тревогу; когда тревога преодолевается, стереотипы пересматриваются и отбрасываются за ненадобностью.

При патологической стереотипизации весь мир предстает совокупностью устойчивых бинарных оппозиций в терминах «свои» и «чужие», «мы» и «они», где преобладает дистанцирование от различных инаковых. Агрессия по отношению к обобщенной категории или группе Других может распространяться на отдельного члена этой группы и обратно. Существенной чертой непатологического восприятия Другого является отсутствие ригидности и стигматизации, оно отличается способностью замечать и отделять индивидуальное от всего класса объектов, групп, категорий [Gilman, 1985: 17]. Характерными особенностями патологического восприятия инаковости является *объективация* — рассмотрение Других исключительно в виде объектов, а не субъектов диалога, — которая приводит к *вуайеризму* — к безучастному, отстраненному наблюдению за Другим как бы со стороны, без идентификации с ним (подглядывание, а не подлинная встреча).

Согласно Холлу, отчуждающий режим репрезентации различий, который он изучал на примере инаковости «черных», воспроизводится с позиций властного доминирования «белых» [Hall, 2013: 250]. Выделим, опираясь на работы С. Холла и ряда других авторов, изучающих образы инаковых, формы патологической стереотипизации, которые могут пересекаться и воплощаться в различных отчуждающих стратегиях репрезентации Другого:

Таблица 1. **Формы патологической стереотипизации**

Формы	Примеры
<i>Деперсонификация</i> — неспособность отнестись к другому индивиду как к личности, лишение его субъектности и наделение ролью объекта, просто носителя набора качеств	Люди с ментальной инвалидностью, представлены не как отдельные уникальные личности, а как категория пациентов закрытых психиатрических учреждений, объекты лечения [Wilkinson, 2009]
<i>Фрагментация</i> — расщепление Другого, его тела, на фрагменты с последующей фокусировкой пристального внимания на отдельных органах, особенностях внешности, качествах, якобы указывающих на естественность и очевидность инаковости. Это восприятие частей в качестве целого, а целого — через отдельные части	Стереотипное изображение человека с синдромом Дауна, прежде всего, через обязательный набор черт лица, которые подтверждают природную (естественную) разницу, несмотря на то, что данные внешние признаки могут быть проявлены в разной степени или не заметны совсем [McLaughlin, Clavering, 2012]

Формы	Примеры
Фетишизация — превращение Другого или его отличительных частей в предмет, возможно, поражающий воображение, особенный, но прежде всего совершенно инаковый, радикально отличный, неведомый	Идеализация или возведение в культ, например, публичных персон, популярных «звезд», выдающихся спортсменов [Ungruhe, 2013]
Экзотизация — восприятие Других в качестве далеких, причудливых «антиподов», а их поведения, повседневных практик и ритуалов — как проявления дикости, нецивилизованности	Ношение хиджаба в немусульманских странах репрезентируется «местными» СМИ как экзотическое «несоседское» поведение, а сами женщины воспринимаются представителями доминирующей культуры как кардинально отличные от большинства [Bullock, Jafri, 2000]
Патологизация — оценка инаковости Другого с точки зрения общепринятых норм как несоответствие им, восприятие любых различий в качестве патологии	Гомосексуальность или инвалидность представляются как отклонение, патология или болезнь [McRuer, 2006]
Гомогенизация — восприятие групп инаковых в обобщенном виде, как категории Других, которое приводит к редукции свойств отдельных личностей к свойствам всей группы	Распространение особенностей, качеств отдельных мигрантов или отдельных случаев с их участием на всех «приезжих», усреднение и обобщение [Yang, 2010]

Патологическое восприятие отличается неспособностью рефлексивно отнестись к стереотипу впоследствии и настаивает на его объективности. Оно закрепляется под действием различных стратегий репрезентации, в частности, *замалчивания* — обделения меньшинств вниманием, игнорирования голоса самих Других. Такая стратегия репрезентации определяется в культур-исследованиях как символическое уничтожение (*symbolic annihilation*), так как выступает результатом редкого и узко ограниченного изображения группы в повторяющихся контекстах [Fursich, 2010: 121]. Другие воспринимаются через дискурс о них так, словно все, что репрезентируется, является объективной реальностью, «правдой» [Gilman, 1985]: например, восприятие «черных» через дискурс, созданный о них «белыми», или «мигрантов» через репрезентации, производимые с позиции «местных». Самая большая опасность патологической стереотипизации заключается в том, что создаваемые репрезентации инаковости, носящие стигматизирующий характер, выставляются в качестве подлинного знания.

Реверсия стереотипов о Других

Особенностью социокультурных значений является их изменчивость и неустойчивость, они никогда не могут быть окончательно зафиксированы, поэтому всегда будут появляться новые стереотипы о Другом [Hall, 2013: 270]. Многочисленные попытки уйти от устоявшихся негативных образов Других могут приводить к возникновению контрстратегий их репрезентации. Например, появляется медиаконтент, изображающий меньшинства в позитивном свете. Однако, как подчеркивают отдельные ученые, такая тенденция репрезентации далеко неоднозначна по своим последствиям, так как опосредованно приводит к риску появления новых негативных, неадекватных или дискриминирующих образов [Gray, 1995; Means Coleman, 2002]. Ее суть заключается в стремлении интегрировать Других в культурный мейнстрим путем нивелирования различий с ними. Такая интеграция

обходится немалой ценой для групп меньшинств, так как требует от них ассимилировать нормы, ценности, стили поведения доминирующей культуры, отказавшись от собственной уникальности. За подобным стремлением перевернуть стереотипы о Других может скрываться так называемая «нормализация» — практика установления «обязательных для всех правил, границ и пределов» [Фуко, 1996: 425], т. е. представление инаковых как «таких же, как и все», что, по сути, приводит к уничтожению инаковости.

Первая стратегия, *создание новых положительных стереотипов о Других*, может осуществляться, например, через репрезентации их в контексте успеха или адаптированности к доминирующим культурным нормам, а также путем выделения недостатков или ограничений представителей доминирующей группы. Эта стратегия позитивной стереотипизации наглядно проявляется, например, в газетных публикациях о людях с синдромом Дауна в высказываниях наподобие: «Нам есть чему у них поучиться. Это люди, которые неспособны делать зло. Таким, возможно, был человек до грехопадения» [Ткачева, 2009] или «возможно, люди с лишней хромосомой многого не умеют, но они по-настоящему умеют любить» [Плешакова, 2009]. В положительном ключе начинают изображаться те черты Другого, которые обычно воспринимаются в культуре как негативные, за счет чего представления о нормальном и приемлемом расширяются. Например, изображение главного героя с аутизмом (Дастин Хоффман) в фильме «Человек дождя» (реж. Барри Левинсон, 1988, США) с «позитивной» точки зрения позволяет разглядеть в беспомощности и навязчивом стремлении к однообразию и распорядку феноменальные способности к запоминанию и умение искренне привязываться к близким. Так делается попытка увидеть в том, что, как правило, считается ограничением, недооцененные способности.

Когда люди с инвалидностью предстают перед читателями или зрителями не только в образе «бедных, наивных, бескорыстных и зависимых», но также и «мотивированных на успех, самостоятельных, способных на агрессию и конкуренцию», это помогает «посмотреть на инаковость иначе», способствует переоценке стереотипов, расширяя и дополняя ранее сложившуюся однобокую картину. Не обязательно приводя к отмене или разрушению старых стереотипов, этот способ, по крайней мере, уводит от перспективы увязнуть только в одной крайности.

Одновременное наделение изображаемого героя положительными — желаемыми для идентификации, героическими чертами и «плохими» — неодобряемыми ролями поведения, опасными чертами вызывает заметный интерес как со стороны аудитории доминирующей культуры, так и со стороны изображаемых Других, в особенности, если в нем присутствуют основные элементы популярного кинематографического жанра [Hall, 2013: 260]. Использование популярного дискурса для изображения Других, особенно тех групп, которые практически не присутствуют в массовой культуре, вытеснены в сферу приватного, с одной стороны, выступает залогом успеха, так как повышает интерес к ним со стороны аудитории, расширяет границы представлений, способствует пересмотру, переоценке стереотипов. Однако, с другой стороны, такая стратегия носит скорее характер защитной реакции, которая не позволяет Другим говорить от своего имени, чувствовать свои уникальные стороны и выражать себя свободно, через не навязанные формы.

Вторую стратегию можно обозначить как *сопротивление доминирующему режиму репрезентации инаковости посредством переноса* позитивных образов Других на негативные стереотипы, которые продолжают транслироваться в популярной культуре. В рамках этой стратегии преследуется цель восстановить баланс представлений, который основывался бы на принятии и даже подчеркивании различий, а не на их ретушировании. Это попытка создания позитивной идентификации со всем комплексом образов и репрезентаций, имеющих отношение к Другому, с тем, что в доминирующей культуре означает быть инаковым: «черным» или «инвалидом», «аутистом», «приезжим» и др. Такая стратегия принципиально отличается своим подходом к Другим — это признание, постулирование и воспевание инаковости. С помощью такого подчеркивания различий можно вскрыть невидимые механизмы властного контроля, доминирования, конструирования Других. С одной стороны, такая стратегия лучше позволяет увидеть масштабы эксплуатации Другого, весь комплекс противоречивых — позитивных и негативных — стереотипов, составляющих режим репрезентации Других. С другой стороны, использование стратегии такого рода таит опасность гомогенизации — представления разных уязвимых групп как однородной группы Других, стигматизированных схожим образом [Fernando, 1992: 142].

Третья стратегия позитивного изображения Других представляет собой *поиск и столкновение амбивалентных стереотипов*. В рамках такой стратегии происходит не создание какого-то нового «позитивного» содержания, а критическое рассмотрение распространенных форм репрезентации Других в попытке заставить стереотипы работать против самих же себя. Например, вместо того, чтобы вежливо не замечать инаковую внешность или способы коммуникации Других, не замечать отличий, особенностей черт лица или наличия протезов, эта стратегия, напротив, обнажает различия, специально выставляет их на всеобщее обозрение, наделяя инаковость ценностью [Hall, 2013: 266]. Главный принцип действия подобной стратегии: смотреть на Других так, чтобы *видеть их уникальность*, преодолевать дистанцию, подкрепленную стыдом или смущением; давать возможность им самим выражать себя как хочется, быть теми, кем они себя ощущают, показывать себя так, как они желают выглядеть в глазах окружающих.

К примеру, живущая в Германии фотограф Дай Лин Пауэр (Dai Lyn Power) изображает людей с синдромом Дауна так, что взгляд фокусируется не на «физических или психологических реалиях синдрома», а на уникальной красоте и индивидуальности, стоящей за расстройством, порожденным сбоем в копировании хромосомы № 21. Люди у нее изображены «такими, какими они хотят выглядеть — уверенными и самостоятельными в выборе собственного имиджа» [Real Prettiness...].

Разнообразные художественные приемы играют с амбивалентностью структур репрезентаций, не только подчеркивая различия, но и отрицая их, вследствие чего последние теряют свой отчуждающий характер. Примером такого приема становится эротизация того, что обычно в культуре считается асексуальным, в частности, создание привлекательных образов женщин с ампутированными конечностями, использующих протезы. Примером может служить Эйми Маллинз, американская модель и актриса, которая представлена в медиа в качестве привлекательной женщины и успешной спортсменки, «несмотря на» инвалидность

и протезы вместо ног. Романтичные и сексуальные образы на журнальных фото-снимках подкрепляются цитатами из ее интервью: «есть существенная разница между объективным фактом, что я — человек с ампутацией ног, и субъективным мнением общества насчет моей инвалидности... Честно говоря, единственная настоящая и постоянная «инвалидность», с которой я сталкиваюсь, — это мир, думающий, что я поддаюсь описанию через эти определения» [12 пар ног...]. Таким образом, Маллинз отрицает приписываемую ей неполноценность, не отвергая при этом собственную инаковость.

Заключение

Стратегии деконструирования репрезентаций инаковости позволяют пересматривать дискриминационные стереотипы, учиться читать образы Других заново и иначе, однако в них также заложен потенциал к (вос)созданию процессов отчуждения, нормализации или рестигматизации Других. Поэтому, анализируя распространённые в медиа образы Других и механизмы их отчуждения, необходимо обращать пристальное внимание и на стратегии их контррепрезентации. Какую стратегию противодействия отчуждению выбирать, зависит от особенностей самой группы, которая этому процессу подвергается. Разнообразные группы могут включать как тех, кто редко изображается, оказывается вытесненным за пределы популярного дискурса (люди с инвалидностью), или тех, кто подвергается нормализации в образах, предписывающих им правильно вести себя, чувствовать и образцово выглядеть (особенно это касается женщин), так и тех, кто откровенно отчуждается, подвергаясь стереотипизации в негативных образах, в роли агрессивных, опасных, врагов (изображения мигрантов в прессе). В статье перечислены различные проявления процессов стереотипизации и деконструирования отчуждающих репрезентаций Других, но все возможные варианты обращения с инаковостью этим перечнем не исчерпываются. Систематическое исследование конкретных примеров использования контрстратегий репрезентации инаковости в современных медиа позволяет пересмотреть отчуждающие и уничижающие культурные значения, противостоять им, бросая вызов доминирующему режиму репрезентации, оспаривая и даже изменяя его.

Список литературы

12 пар ног Эйми Маллинз [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/12-par-nog-ejmi-mallinz/> (дата обращения: 22.02.2016).

Альтюссер Л. Преобразование философии / пер. с фр. К. Саркисова // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2012. № 5 (85). С. 73—96.

Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М. : Ad Marginem, 1997.

Больной человек гражданином не является. Из-за учебника разгорелся скандал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magcity74.ru/news/26950-bolnoj-chelovek-grazhdaninom-ne-javljaetsja-iz-za-uchebника-razgorelsja-skandal.html> (дата обращения: 22.02.2016).

Грамши А. Избранные произведения : в 3-х т. Т. 3: Тюремные тетради [Электронный ресурс]. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. URL: <http://www.agitclub.ru/front/fran/gramsci2.htm> (дата обращения 17.03.2016).

«Дрофа» приостановила продажу учебника обществознания с оскорблениями инвалидов [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/25/book/> (дата обращения: 22.02.2016).

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского // Кант И. Сочинения : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : ИГ Прогресс, 2000. С. 427—457.

Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Плешакова С. Синдром безответной любви [Электронный ресурс] // Московский Комсомолец. 2009. 7 дек. URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2009/12/07/394696-sindrom-bezotvetnoy-lyubvi.html> (дата обращения: 28.05.2016).

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 2 (76). С. 65—80.

Ткачева Т. Распахните ваши души [Электронный ресурс] // Российская газета. 2009. 23 янв. URL: <http://rg.ru/2009/01/23/daun.html> (дата обращения: 28.05.2016).

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М. : Касталь, 1996.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 123—128.

Bullock K., Jafri G. Media mis-representations : Muslim women in the Canadian nation (national identity and gender politics) // Canadian Woman Studies. 2000, 20(2).

Fernando S. Blackened Images // Critical Decade : Black British Photography in the 80s, Ten 8 magazine, Birmingham / ed. by D. A. Bailey, S. Hall. № 3. Vol. 2. 1992. P. 140—145.

Fursich E. Media and the representation of Others // International Social Science Journal. 2010. № 199(61). P. 113—130.

Gilman S. Difference and pathology: stereotypes of sexuality, race and madness. Ithaca NY : Cornell University Press, 1985.

Gray H. Watching race: television and the struggle for “blackness”. Minneapolis, MI : University of Minnesota Press, 1995.

Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / ed. by S. Hall, J. Evans, S. Nixon. London : Sage Publications & Open University, 2013.

Kohut H. The Analysis of the Self. A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissistic Personality Disorders. New York : International University Press, 1971.

Levin J. The function of prejudice. New York: Harper and Row, 1975.

McLaughlin J., Clavering E. K. Visualising difference, similarity and belonging in paediatric genetics // *Sociology of Health and Illness*. 2012. № 34(3). P. 459—474.

McRuer R. Crip Theory : Cultural Signs of Queerness and Disability. New York ; London : New York University Press, 2006.

Means Coleman R. R. Say it loud! African-American audiences, the media and identity. New York : Routledge, 2002.

Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris : Presses Universitaires de France, 1961.

Real Prettiness: Project Showcases Individuals With Down Syndrome As They Wish To Be Seen [Электронный ресурс]. URL: http://www.huffingtonpost.com/2014/11/11/real-prettiness_n_6135980.html?ir=Women (дата обращения: 28.05.2016).

Ungruhe Ch. “Natural Born Sportsmen”. Processes of Othering and Self-Charismatization of African Professional Footballers in Germany // *African Diaspora. Transnational Journal of Culture, Economy & Society*. 2013. № 6 (2). P. 196—217.

Wilkinson P., McGill P. Representation of People with Intellectual Disabilities in a British Newspaper in 1983 and 2001 // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2009. № 22(1). P. 65—76.

Yang Ch.-L. Othering processes in feminist teaching — A case study of an adult educational institution. Lund : Media-Tryck : Lund University, 2010.